

Я дома

Мао Чун

По дороге в Тяньцзинь Гунмао мчался так быстро, как мог. Он чувствовал азарт и адреналин, но по мере приближения к родному городу эти молодецкие страсти сменялись гложущей тревогой. Все было странно, неправильно. Он въехал в город и направился к порту, к тому району, о котором говорил синий фонарь. На месте, где был назначен сбор, никого не было. Гунмао достал телефон и обнаружил в нем смс с номера Лысого – абонент снова в сети. Кот сразу набрал номер начальника порта, тот начал орать что-то про криворукого идиота, облившего его трубу пивом. И в этот момент стало не по себе.

- Чун сяншен? – раздался голос за спиной фу шан шу.

Кот понимал, что у него не собираются спрашивать, как пройти в библиотеку, потому завел мотоцикл и резко рванул вперед вдоль берега. Раздался выстрел, но не задело. За спиной ревело еще два байка, Гунмао пытался отвязаться, даже не отвлекаясь на попытки отстреливаться. Этим вечером он работал мишенью в тире, а они целее, когда шевелятся.

Перед глазами мелькнули дальним светом фары – засада. Снова выстрелы, и Гунмао рванул в единственную сторону, где еще мог проехать – на длинный пирс, который заканчивался тупиком, но позволял выиграть хотя бы несколько секунд. Он затормозил в метре от воды, выхватил пистолеты и стал отстреливаться, целясь по огням мотоциклов. В ответ также раздались выстрелы. Обожгло шею, зацепило бедро, кто-то напротив заорал, еще двое упали. Грохот, удары, несколько секунд ада, за которыми делаешь шаг назад и чувствуешь, как тебя затягивает ледяная чернота морской воды. Пара мгновений, чтобы осознать себя, а дальше всеми гранями ощущений взрывается боль от полученных ран – соленая вода умеет о них напоминать.

Кот нырнул глубже. Он слышал, как по воде стучали выстрелы, затем стихли. Куртка тянула на дно, позволяя сохранять воздух и плыть на глубине. Чернота казалась бесконечной, боль пыталась перекрыть мысли, но звериное желание выплыть и жить пока было сильнее всего остального. На инстинктах и интуиции Кот проплыл вдоль пирса, бесшумно вынырнул за одной из пустых лодок, чтобы перевести дыхание и проследил, как три мотоциклиста сгрузили в стоявшую рядом машину четверых приятелей, затем вся компания, тщательно осмотревшись, уехала.

В глазах темнело. Левая нога онемела, шея болела так, будто перерезана глотка. Но Кот понимал, что раны не тяжелые, иначе он бы уже кормил рыб. Собравшись с силами, он доплыл до пирса, рыча под нос выбрался наверх и лег на спину, потому что сильно закружилась голова. Обшарив карманы, Кот выбросил промокшие насквозь сигареты, переложил мокрую, но памятную зажигалку подальше, достал не подававший признаков жизни телефон.

Вдали слышались сирены полиции. Гунмао не был похож на жертву гопников и пока не хотел сбрасывать в воду пистолеты. Он собрался с силами, чтобы

добраться до грузовых контейнеров. Тяньцзинь был все тем же городом, в котором он родился, выживал, как умел, и знал все значные места и тайные лазы. Особенно в этом памятном районе.

Проползти вдоль забора, затем мимо свалки металлолома к кварталу, который наконец-то официально значился под снос. Протиснуться между обшарпанными кирпичными постройками, зайти в ближайший подъезд, свернуть налево, открыть дверь с давно выломанным замком. Упасть на пыльный и покрытый клочьями паутины пол, очнуться, снова найти в кармане телефон и заметить, что он включился. Отправить одно сообщение человеку, который его поймет, чтобы затем снова провалиться в липкую черноту. «Я дома».

Мао Чун

<http://pleer.com/tracks/4383881mh9P>

Боль разбудила сознание. Гунмао открыл глаза и попытался понять, где он находится. В ушах звенело, перед глазами все плыло. Рука нащупала телефон, который снова отключился. Кот перевернулся на спину и прижал ладонь к шее, почувствовав, что кровь продолжает сочиться. Он расстегнул куртку, оторвал низ от футболки и перевязал ногу. Джинсы пропитались кровью. Слабость и звон в ушах были понятными. Гунмао снял куртку, затем стянул с себя футболку и, скомкав её, приложил к шее. Он расстелил куртку на полу и лег на неё, чтобы не так остро чувствовался дувший по полу сквозняк. Одежда была мокрой насквозь, а соль морской воды все также раздражала раны, усиливая боль. Кот прикрыл глаза и снова провалился в темноту.

Он очнулся, потому что ему показалось, что рядом кто-то есть. Гунмао не знал, сколько минут или часов он здесь провел, но он надеялся, что Тигр получил сообщение, и что помощь скоро подоспеет. А до этого нужно стараться остаться в сознании, не дать холоду одержать победу. Где он? Кот прищурился и попытался осмотреться. Он видел в темноте, и взгляд упал на старый выцветший календарь с пионами. А справа от него было зеркало. А дальше у окна - стол. Все оставалось на местах, только обветшало, обросло пылью и паутиной. Гунмао выругался, дернулся и застонал от боли в ноге, затем крепче прижал к шее пропитавшуюся кровью футболку.

Холод отступил. Ему на смену пришел жар. По коже как будто ползли языки пламени. Мысли путались, во рту пересохло, жажда становилась невыносимой. Ад может быть и таким.

- Ты постарел, - раздался знакомый голос.

Кот обернулся, но никого не увидел. Он чувствовал, что этот голос находится в его голове. Он не слышал его очень много лет, но перепутать не мог.

- Юн? - вслух спросил Гунмао.

Ему ответил лишь звон в ушах. Не может быть. Призраков не существует, Юна черти сколько уже нет на этом свете, а он еще здесь, раненый в Тяньцзине на полу в своей

старой квартире. С двумя ранами, которые казались все более серьезными. И именно сейчас дико, до одури хотелось жить. Вырваться, вернуться в Пекин, к Кошке, к детям, к недопитому чаю на столе в доме лунтао. Пить.

- Нет, ты езжай, я останусь. Я не могу оставить мать, - снова голос Юна, и снова в голове.

- В Пекин, мы уехали в Пекин, - прошептал Гунмао тихим осипшим голосом.

- Да? - эта спокойная интонация, когда по его словам не всегда можно разобрать, знает ли он ответ наперед.

Пекин был незнамо где. В другой вселенной, на другой планете. Уехали, Юн, уехали. Вырвались в люди, а потом тебя не стало. Я - фу шан шу, у меня жена, дети, квартира в Пекине и все, что можно купить за деньги. Ты бы видел мою машину. И то, чего за деньги не купишь. Я нашел женщину, которая стоит всех остальных. Я женат, Юн, на лучшей женщина на свете. У неё золотые волосы и изумрудные глаза. И у нас четверо детей, я так мечтаю, что будет и пятый. А из окна квартиры знаешь какой вид на город? Чувствуешь себя чертовым Бэтманом, Пекину нужны такие герои.

- Мать опять из дома выгнала? Ты где ночевать собрался? - говорит, как будто у самого сказочная родительница.

- Нет, - прошептал вслух Кот. - Я в Пекине, слышишь?

- Не гони, - и в этих словах была слышна усмешка.

Гунмао с силой зажмурился и осмотрелся снова. Не в Пекине. Жар снова сменился холодом, от которого зуб на зуб не попадал. И уже не оставалось сил прижимать окровавленную футболку к шее, уже притупилась боль. Накатила усталость, от которой хотелось закрыть глаза и заснуть. Не в Пекине. Был ли этот Пекин? Есть ли Кошка, Тигр, близнецы? Есть ли близняшки и Бизон, назначенный пони, или это мерещилось? Голос Юна и тот реальнее, потому что сейчас мир для Гунмао начинался и заканчивался пыльным полом с гнилым паркетом, залитым его кровью.

Всю юность он мечтал отсюда вырваться, всю жизнь после гордился, что это удалось. Неужели для того, чтобы сдохнуть, подобно подзаборному псу, именно на этом гнилом полу, именно в этой ненавистой трижды проклятой квартире? Накатило невыносимое чувство обиды, как будто пройденный путь в тысячу ли оказался движением по кругу. Гунмао почувствовал, как по его щеке скатилась слеза, а в горле скопился комок горечи. Только не сейчас, только не так. Кому молиться? Тай ло, чтобы получил сообщение? Каким богам и демонам, какие обещания давать. Не может быть, нельзя. Жить хочется, но даже это хочется не так сильно, как просто не сдохнуть сейчас именно здесь. Так холодно. И мир снова проваливается в темную бездну без снов.
